

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТОВ 'СВОЙ' И 'ЧУЖОЙ' В ПОЭТИЧЕСКОМ ИДИОЛЕКТЕ Б. А. АХМАДУЛИНОЙ

И. И. Чумак-Жунь, Е. С. Хомякова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

LINGUISTIC AND CULTURAL FEATURES OF THE CONCEPTS 'OWN' AND 'ALIEN' IN THE POETIC IDIOLECT OF B. A. AKHMADULINA

I. I. Chumak-Zhun, E. S. Khomyakova

Belgorod National Research University

Аннотация: статья посвящена описанию лингвокультурологических особенностей функционирования базовых концептов любой культуры – «Свой» и «Чужой» в идиолекте Б. А. Ахмадулиной, которые представлены в ее творчестве традиционными образами дома и сада. Исследование выдержано в русле когнитивного подхода, использован контекстный анализ лексем, полученных методом сплошной выборки из текстов поэта. Рассматриваются различные модификации и лексические репрезентанты концептов, объективируемые в русском языке. Нами выделен лексический уровень их функционирования (репрезентация при помощи дейктических элементов – притяжательных местоимений *свой, мой*, коннотативно окрашенной лексики (изобразительно-выразительных средств)). Особое внимание уделено аксиологическому компоненту значения лексем, манифестирующихся рассматриваемые концепты: так, концепт 'Свой' имплицитно или эксплицитно выражает положительную оценочность, в отличие от концепта 'Чужой', связанного с понятием 'враждебный'. Анализ доказал, что топос сада неизменно оценивается лирической героиней Б. А. Ахмадулиной как *свое пространство*, где протекает ее физическая и духовная жизнь. Он связан с темой любви, творчества, безвозвратно ушедшего прошлого, по которому тоскует лирическая героиня. Концепт 'Дом', напротив, часто представляет концептуальное поле 'Чужое': лирическая героиня чувствует себя покинутой, незащищенной. Проведенный анализ содержания и объема рассматриваемых концептов помогает выявить специфику индивидуально-авторского осмысления доминантных понятий культурной и индивидуально-авторской картины мира. Результаты исследования могут быть использованы при изучении приемов анализа текстового концепта в курсе по когнитивной лингвистике, лингвистическому анализу художественного текста, а также в литературоведческих дисциплинах, посвященных изучению творчества Б. А. Ахмадулиной.

Ключевые слова: концепт, «свой», «чужой», языковая личность, картина мира.

Abstract: the article is devoted to the description of the linguoculturological features of the functioning of one of the key concepts of Russian culture – 'Own' and 'Alien', which are included in the conceptual fields of traditional images of the house and garden (the poetic work of B. A. Akhmadulina served as the material). The study is sustained in line with the cognitive approach to the study of the concept sphere, contextual analysis of lexemes obtained by the method of continuous sampling from the National Corpus of the Russian Language is used. We consider various modifications and lexical representatives of concepts objectified in the Russian language. We have singled out the lexical level of their functioning (representation with the help of deictic elements – possessive pronouns *own, mine*, connotatively colored vocabulary (figurative and expressive means). Particular attention is paid to the axiological component of the meaning of lexemes that manifest the concepts under consideration: for

example, the concept 'Own' implicitly or explicitly expresses a positive appraisal, in contrast to the concept 'Alien', associated with the concept of unacceptability. The analysis proved that the topos of the garden is invariably evaluated by the lyrical heroine B. A. Akhmadulina as her space, where her physical and spiritual life flows. It is connected with the theme of love, creativity, the irrevocably gone past, for which the lyrical heroine yearns. The concept of 'Home', on the contrary, often enters the conceptual field of 'Alien': the lyrical heroine feels abandoned, unprotected. The analysis of the content and volume of the concepts under consideration helps to reveal the specifics of the individual author's understanding of the dominant concepts of the cultural and individual author's picture of the world. The results of the study can be used in studying the methods of analyzing a textual concept in a course on cognitive linguistics, linguistic analysis of a literary text, as well as in literary disciplines devoted to the study of B. A. Akhmadulina.

Key words: concept, 'Own', 'Alien', linguistic personality, picture of the world.

Введение

Лингвостилистика поэтического текста непосредственно и полностью связана с проявлением того, что В. Г. Костомаров называет «беллетристическим»; это особый, воплощающий образ автора конструктивно-стилевой вектор как «постижение в себе то ли сознанием, то ли ощущением строя образов, мыслей, чувств, звуков в такой связи, в какой они до того не связывались никем. Это позволяет писателю вскрыть правду о мире, показав его через самопознание в новом виде, посмотрев на него с новой, лично-индивидуальной, «авторской» точки зрения» [1, с. 107–108]. Особый «строй образов, мыслей, чувств, звуков» и есть то «рациональное зерно», которое, на наш взгляд, мотивирует постановку вопроса о конструктивно-стилевом векторе авторского идиостиля. Путь индивидуального конструирования текстового пространства – это способ уникального воплощения языковой личности автора.

Мы предполагаем, что конструктивно-стилевой вектор авторского идиостиля связан с выявлением наиболее показательных для данного художника слова языковых черт внешней формы, присущих его авторской манере письма, которая выражает внутреннюю форму его идиостиля и делает текст непохожим на аналогичные явления словесного творчества. Здесь уместно сослаться на Б. Л. Пастернака, который, размышляя об оригинальности и новаторстве Шопена, главным считал не его «несходство с соперниками», а его «сходство с натурой, с которой он писал... Шопен смотрел на свою жизнь как на орудие познания всякой жизни на свете...» [2, с. 302]. «Сходство с натурой» – это глобальное, масштабное и бесконечно глубинное проявление творческой синергии как союза, соработничества художника и действительности. Именно такой путь постижения автором мира, по Пастернаку же («Охранная грамота»), переводит художника в такое состояние, когда «...появляются описанья и уподобленья невиданной магниточувствительности. Это – образы, то есть чудеса в слове, то есть примеры полного и стрелоподобного подчинения земле. И значит, это – направ-

ленья, по которым пойдет их завтрашняя нравственность, их устремленность к правде» [2, с. 126].

Можно предположить, что в основе внутренней формы авторского именованья лежит «полное и стрелоподобное подчинение земле» как «уподобление невиданной магниточувствительности», рождающее лиризм гражданственности и пр.

Авторские интенции поиска знака как *своего*, вызванные магнитом земного, на которые реагирует прежде всего внутренний мир поэта, задействуют поиск формы выражения – и ее внутренняя ипостась – импульс, посыл, вектор носит дейктический характер, который ведет к обретению местоимения как внешней формы.

Путь к концепту начинается с интенций языковой личности, а местоимение своим дейктическим «ресурсом» предоставляет автору возможность наполнить свой *полюй контур* любым указанием – на отношение говорящего в том числе (мое, свое, чужое = не-мое и пр.). Далее – любое семантическое наполнение уже в контексте и обобщение на понятийном уровне концептуализации.

«Противопоставление “свой-чужой” исторически обусловлено первичностью психологической категории “они” (“другие”, “чужие” в данном случае мы рассматриваем как синонимы) и вторичностью категории “мы” как “не они”. Очевидно, объективное существование “своего-чужого” и его субъективное отражение в сознании человека – параллельные, одновременные процессы. Формирование своеобразной программы регулируемых отношений “своего-чужого” является рефлексией над содержанием собственного сознания. Стремление людей к объединению со “своим/своими” и дистанцированию от “чужого/чужих” предполагает осознание соответствующих отношений» [3].

Оценочность оппозиции «свой-чужой» означает, что «они»-восприятие (или «они»-представление) **происходит через «мы»-ощущение. Направление оценки происходит от «мы» к «они».** Такая оценка осуществляется через **соответствие-несоответствие норме** (которую возможно интерпретировать как

систему эталонов действия, сущности или состояния объекта или явления, формирующуюся у индивида в процессе социализации при присвоении образцов национальной культуры [4].

Э. Бенвенист, изучая этимологию лексемы «свой», пришел к выводу, что понятие «свой» возникло как результат осознания кровного родства группы людей, где каждый считает себя свободным и противопоставляется другим – «чужим, врагам, рабам». Таким образом, понятия «свободный человек» и «свой» исторически связаны, что отражается и в связи этих корней в русском языке [5, с. 75]. Кроме того, Ю. С. Степанов отмечает, что концепт 'Свой' включает добавочное значение «место, где господствуют законы, хорошие установления и порядок», т. е. в исходной, отправной точке концепты 'Свой' и 'Мир' (покой, порядок) совпадают [6, с. 138].

Концепт 'Чужой' так же широк по палитре внутренних смыслов. Он включает понятия «не свой», «посторонний», «далекий», «странный», «необычный», то незнакомое, лежащее за пределами привычного образа жизни, на что не может сослаться собственный жизненный опыт. Все значения анализируемой лексемы объединяются основным: чужой всегда противопоставляется своему, родному, близкому по духу. С. Г. Тер-Минасова отмечает, что полный и ясный смысл этого слова вытекает как раз из оппозиции: свой, родной – чужой, иной, иностранный [7, с. 20].

Репрезентирующие этот концепт лексемы выполняют категоризирующую функцию: позволяют отнести обозначаемое лицо, событие, явление к определенной ценностной категории, имплицитно или эксплицитно передающей их приемлемость или неприемлемость с точки зрения субъекта речи. Как правило, это происходит на чувственно-эмоциональном уровне.

Сопоставление анализируемых концептов включает:

- 1) осмысление «своего» на фоне «чужого»;
- 2) уход от «своего» и придание личных качеств «чужому».

Иными словами, происходит отстранение от «своего» и приближение к «чужому».

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужило поэтическое творчество Б. А. Ахмадулиной. Методом сплошной выборки мы выявили лексемы, репрезентирующие концепты 'Дом' и 'Сад' и при помощи метода контекстного анализа обнаружили связь с концептуальными полями 'Свой' и 'Чужой'.

Метод когнитивного моделирования позволил выделить аксиологически маркированные модели ситуации, воспроизведенные в художественном тек-

сте. В работе применялся анализ лексикографических толкований и элементы количественного анализа.

На первом этапе работы из Национального корпуса русского языка мы отбирали контексты, содержащие концепт 'Сад'. Таким образом, как и в любом когнитивном анализе, мы оперируем основным исследовательским инструментом – концептом.

Метод когнитивного моделирования позволил выявить аксиологические маркеры, лежащие в основе стихотворений Б. А. Ахмадулиной и несущие как положительные (мелиоративные), так и отрицательные (пейоративные смыслы).

Исследование и обсуждение его результатов

Определение концептов 'Свой' и 'Чужой' помогает интерпретировать индивидуально-авторское осмысление сущности предметов и явлений. Так, в поэтическом творчестве Б. А. Ахмадулиной они фиксируют субъективное знание о мире, являются компонентами индивидуальной концептосферы и составляющими картины мира лингвокультурного сообщества второй половины XX в. в целом. Мы рассмотрим архетипические концепты 'Сад' и 'Дом' с позиции соотносительности к категории «свое/чужое».

На лексическом уровне ее концептуальное поле часто репрезентируется местоимениями «свой», «мой».

Так, в стихотворении «Лесной царь» лирическая героиня Б. Ахмадулиной восклицает: «*О сад мой, заботливый мой погубитель!*». Притяжательное местоимение, повторенное дважды, усиливает значение не только принадлежности ей сада, но и духовной близости с ним, их внутреннего родства. Персонифицированный образ сада, метафорически выраженный как «сад-всадник», «сад-охранитель», противопоставлен Лесному царю. Это выявляет оппозицию сад (свое, окультуренное пространство) – лес (чужое пространство, дикое).

В стихотворении «Пока клялись беспечные снега...» создается образ лирического героя, переживающего творческий кризис. Подавленный собственным бесплодием, он «*все отринул, что грозит блаженством*»:

*И проклял он родимый дом и сад,
сказав: – Как страшно просыпаться утром!
Как жжется этот раскаленный ад,
который именуется уютом!
Он жил в чужом дому, в чужом саду...*

В приведенном контексте значима оппозиция: свое, «родимое» – чужое, причем дом и сад оказываются в одном ряду, их пространства слиты для лирического героя в одно целое. Отказываясь от одного, он уходит и от другого.

Такая слитность пространства сада и дома в идиостиле Б. А. Ахмадулиной довольно частотна.

Граница между ними размывается или вовсе исчезает. Близость этих понятий подчеркивается в том числе и использованием дейктических элементов (притяжательных местоимений [8, с. 440]): «*В окне моем расцвел вишневый сад*» («Вишневый сад»). Предложно-падежная форма существительного «окно» подкрепляется местоимением «мое». Возникает иллюзия слитности дома и сада (он расцвел не за окном, а **в окне!**). Отметим, что эта метафора неоднократно встречается в стихотворении: «*Вишневый сад глядит в мое окно*», «*Как соединились сад и Таганрог – / понятно лишь заснеженному древу / в окне моем*» («Вишневый сад»). Подобная «навязчивость» повторений убеждает, что дом и сад в сознании лирической героини являются одним пространством, близким ей, где протекает не только физическая жизнь, но и духовная.

В стихотворении «Пора, прощай, моя скала...» пространство сада, имплицитно выраженное через образ сирени, также соотносится с пространством дома. Об их оценке позволяет судить коннотативно окрашенная лексика: эпитет «*милый дом*» и притяжательное местоимение «*моя сирень*».

Примечательно, что, даже находясь в замкнутом пространстве комнаты, лирическая героиня связана с миром сада. Так, выращивая на окне «ваньку» (народное наименование бальзамина), она восклицает: «*Ах, Ванька мой, ты – все мои сады*» («Печали и шуточки: комната»).

Часто лирическая героиня Б. А. Ахмадулиной маркирует упоминание садовых растений – «**мои**», «**свои**»: «*свое растение*» («Скончание сирени»), «*мой цветок*» («Воспоминание»), «*вблизи черемухи моей*» («Воспоминание»), «*моя черемуха*», «*красавица моя*» (о черемухе) («Смерть Французова»), «*моя душа*» (о черемухе) («Черемуха трехдневная»), «*моя сирень*» («Сирень, сирень – не кончилась бы худом...»). Это нивелирует границу «между внутренним лирическим и внешним природным пространством» [9, с. 194].

Черемуха – любимейшее дерево лирической героини Б. А. Ахмадулиной. Как отмечает М. С. Михайлова, это «цветок индивидуального ахмадулинского мифа о Природе и Слове и знак авторского лирического времени [9, с. 195]. Поэтесса наделяет его особым «черемуховым» циклом времени, который воспринимается как «свой»: он приносит вдохновение, а время увядания черемухи и расставание с ней оценивается лирической героиней как «срок горючий» («Так бел, что опалает веки...»).

Время жизненного цикла черемухи оказывается для хронотопа поэтического текста Б. А. Ахмадулиной гораздо важнее чисел и дат, что отражается в тексте стихотворений (например, «*В ту пятницу, какого-то числа – / еще моя черемуха не смерклась – / соотносили ласточек крыла?*» («Лебедин мой»)) и

в их заглавиях: «Скончание черемухи – 1», «Скончание черемухи – 2», «Черемуха предпоследняя».

Нахождение рядом с черемухой пробуждает память о детстве («*Вблизи черемухи моей, / глухих аллей, пустых беседок, / мозг поспешает пламенеть – / так жарко, словно напоследок*» («Воспоминание»). Контекст создает атмосферу слияния лирической героини с черемухой: их пространства наполнены воспоминаниями, в отличие от внешней пустоты окружающего мира.

Внутреннее лирическое пространство и пространство внешнее перетекают одно в другое: «*Черемухи настоем питаем пульс отверстого виска. / Она – мой бред. Но мы друг друга стоим: / и я – бредовый вымысел цветка*» («Скончание черемухи – 2»).

Другое «близкое» для лирической героини растение – сирень, но ее время и пространство уже принадлежит «чужому» мифотворчеству, относится к скандинавской мифологии, к эпосу Калевалы: «*В пять лепестков она им колдовала / жить-поживать и наживать добра. / Сама собой слагалась Калевала / во мраке хвой вокруг светлого двора*» («Сирень, сирень – не кончилась бы худом...»).

Именно упоминание сирени маркирует чужое пространство: «*Зачем мой ход в чужой цветник вломился?*» («Сирень, сирень – не кончилось бы худом...»). Кроме того, пребывание в местности, где растет сирень, может сделать человека чужим его семье, одновременно приближая к чужому пространству растения. Так, герой стихотворения «Лишь июнь Сортавальские воды согрел...» стал одержим сиренью, после возвращения домой «*вчуже смотрел, / говорил неохотно, держался сурово*». Он выбрал путь уединения, стал затворником, чтобы не разлучаться «*со своей монастырской сиренью*». В этом контексте мы наблюдаем, как концепт 'Чужой' постепенно трансформируется: некогда чуждое пространство вытесняет родное, становится новым домом для героя.

В некоторых текстах образами деревьев «передоверяется» окружающее их пространство: «*Черемуха моя еще не облетела. / Иду в ее овраг, не дописав стихи*» («Смерть Французова»). Однако притяжательное местоимение «*ее овраг*» не обозначает противопоставление миров сада и лирической героини: они по-прежнему едины, причем настолько, что лирическая героиня празднует вместе с черемухой каждый день жизни растения: «*Хвала моей черемухе трехдневной! / Поздравьте нас с ее четвертым днем*» («Черемуха трехдневная»). Собирательное значение личного местоимения «нас» подчеркивает их единение.

Пространство сада традиционно соотносится с любовной темой: «*Ты в мой сад – вертоград / приходи, вертопрах*» («Ночь под Рождество»). Здесь лирическая героиня выступает в функции хозяйки сада.

Но не только его пространство она осознает как «свое», но и время: в стихотворении воссоздается дух старины, что созвучно ее эмоциональному состоянию («Как мной любимо это виноградье! // Ему соплетет море-окиян»). Этому времени оказывается противопоставлена советская эпоха, когда «взамен звезды – кощунства наконечник, // чтоб род людской забыл про Вифлеем», «ознобно дед-морозны дяди, // влекущие в загробье хоровод» («Ночь под Рождество»).

В стихотворении «Дом с башней» образы дома и сада выступают не только как «местообразующие объекты» [10, с. 241], но и как «ностальгический образ-символ эпохи» [11, с. 23]. Они репрезентируют хронотоп, привлекающий Б. А. Ахмадулину своими культурными отсылками. Лирическая героиня скорбит о прошлом, о разрушенной жизни. Гамак в саду и его ужасная дырявая сеть ассоциируются с утраченным временем, с потерями прошедших лет. Лирическая героиня ощущает связь с домом и садом, а следовательно, и с прошлым. Так, главный символ стихотворения – *дом* – назван «выспренным», «вычурным замком». На первый взгляд, эти эпитеты несут пейоративную коннотацию, но с другой стороны, именно они служат знаком единства лирической героини с домом и садом, с тем временем и укладом, к которому они отсылают.

Кроме того, стоит обратить внимание на уже упомянутый эпитет – *выспренный дом*. Одно из его значений – ‘высокопарный’, что заставляет вспомнить автохарактеристику Ахмадулиной собственного слога: «высокопарнейший мой суффикс» («Чужая машинка»). Эта деталь удивительным образом роднит ее лирическую героиню с описываемыми пространствами дома и сада. Однако стоит отметить, что их единению способствует и противопоставление всем остальным, в том числе и родине: «Дом с башней ныне – робкий постоялец, / *чудак-изгой на родине своей*».

Подобные мотивы характерны и для стихотворения «Сон»: «Но незнакомый садовод / Возделывает сад знакомый / И говорит, что он законный / Владелец. / И войти зовет». Пространство, раньше оцениваемое как свое, связанное с любовными переживаниями («...Столько раз / Я знала здесь печаль и гордость, / И нежную шагов нетвердость, / И нежную незрячесть глаз»), теперь передано во власть незнакомцев, чуждых лирической героине по духу («...садоводова жена / Меня приветствует жеманно») и времени. Себя она относит к прошлому, о котором помнит и сад: «Шутить теперь? Когда так нежно / Столетьем прошлым пахнет сад?». Близость пространству сада подчеркивается эпитетом «*родимая кора деревьев*».

В стихотворении «Был вход возбранён. Я не знала о том и вошла...» лирическая героиня стала невольной свидетельницей чужого счастья: «Какая-то

дача, дремотный гамак, и трава, / И голос влюбленный: «Сыночек, вот это – ромашка». Стоит отметить, что это видение является лирической героине на пороге между жизнью и смертью, что подчеркивает важность для нее увиденного пространства.

Обращает на себя внимание и другая параллель: моменты вдохновения и творчества соотносятся со временем цветения: «Уж вишня расцвела, а яблоня на завтра / оставила расцвести... и тут же, вопреки / пустым словам, в окне, так близко и внезапно / прозрел ее цветок в конце моей строки» («Есть тайна у меня от чудного цветенья...»). Б. Ахмадулина выражает языческий, пантеистический взгляд на природу творчества: сначала – творчество природное, а только потом – человеческое, рукотворное. Иными словами, поэт и сад разделяют демиургическую функцию, причем героиня умиротворяет человеческую гордыню и утверждает первенство природного начала. Более того, она признается читателю, что творчество – это не продукт ее мозгового штурма, она лишь воплощает в стихах уже растворенное и отраженное в природе: «Прости, за то прости, читатель, / что я не смыслов поставщик, / а вымыслов приобретатель / черёмуховых и своих» («Вся тьма – в отсутствии, в опале...»).

Но не только творчество роднит пространства сада и лирической героини. «Увядают» они также вместе: «Так моя осень текла. / Плод упал переспелый» («Сад еще не облетал»). Указательное наречие «так» подчеркивает бесплодность попыток творчества и зрительно выражает эту мысль благодаря скрытому сравнению: как лирическая героиня томилась без возможности творить, а ее попытки писать пресекались незримым голосом, так и плод оказался бесполезным и ненужным.

Крайне редко встречаются контексты, где сад мыслится как пространство, подчиненное человеку, возрастающее благодаря его труду и заботе. В стихотворении «Садовник» лирическая героиня подчеркивает свое родство садовнику: «мой друг высокий», «неудачник мой, садовник». Их объединяет противопоставленность всем остальным: «И верю я одна на свете, / что зацветут его сады, / что странно засияют с веток / их совершенные плоды».

Мы обнаружили уникальный для поэтического идиостиля Б. Ахмадулиной случай: дендрарий (ботанический сад (или часть его), в котором с научно-опытными целями выращиваются различные деревья и кустарники [12]) соотносится с понятием «родина»: «Народец мы дрянной и драный, / Но любим *свой родной дендрарий*, / Жаль – не носить в нем головы» («Пригород: названья улиц»). Коннотативные смыслы приведенного фрагмента противоречивы: любовь к родине-дендрарию – понимание грозящей здесь опасности.

Итак, лирическая героиня Б. А. Ахмадулиной часто принадлежит пространству сада, ощущает внутреннее родство с ним. Однако мы обнаружили и нетипичное для поэтессы расширение смысла: мир человека пересекается с миром сада и влияет на него. Так, забытый мяч становится «сообщником календул», и даже день «свой учредил зенит в календулах» и наступила осень именно потому, что мяч был забыт в саду («Забытый мяч»), подарив свой цвет оранжевого «абсолюта» природе.

Если пространство сада для героини Б. Ахмадулиной всегда принадлежит «своему» миру, то образ дома часто соотносится с категорией «чужое». Так, она покидает осиротевший дом, куда вторгается природная стихия: «Не говоря уже о том, / что в промежутке их раздора / мне б следовало втиснуть дом, / где я в последний раз **бездомна**» («Дождь и сад»). Пространство дома оказывается «приютом сиротства», что нарушает традиционные представления о доме как о защитительном пространстве. Его чуждость и иноприродность усиливается ярким сравнением: «В окне, как в **чуждом букваре**, / неграмотным я рыщу взглядом». Окно как обязательный атрибут дома не просто называется «чуждым букварем», лирическая героиня и вовсе называет себя неграмотной, подчеркивая, что физически не может понять пространство жилища. Его пространство противопоставлено объединенному пространству стихии дождя и сада: «Всё дождь и сад сведут на нет, / изгнав **из своего объема** / необязательный предмет / вцепившегося в землю дома». Их единый топос противопоставлен пространству остального мира: «Просила я беды благой, / но всё ж не той и не настолько, / чтоб выпрошенной мной бедой / чужие вышибало стекла». То, что является благом для лирической героини, приносит разрушения другим.

Топос дома в поэтике Б. Ахмадулиной конечен и замкнут, лишает героиню внутренней свободы своими границами: «Случилось так, что двадцати семи / лет от роду мне выпала отрада / жить в замкнутости дома и семьи, / расширенной прекрасным кругом сада» («Случилось так, что двадцати семи...»). Пространство сада – «прекрасное», обогащает закрытый топос дома. Оно оказывает целебное воздействие на лирическую героиню, даруя ей возвращение к природному началу: «Я стала вдруг здорова, как трава, / чиста душой, как прочие растенья, / не более умна, чем дерева, / не более жива, чем до рожденья».

В стихотворении «Палец на губах» пространство дома также противопоставлено пространству сада как замкнутое, несвободное пространство – пространству свободному. Кроме того, подчеркивается чуждость дома: «А вот и **дом чужой**: дом-схимник, дом-изгнанник». Сад называется душой дома: «Но, как душа его, вокруг **свободен сад**». Однако персона-

фицированный образ дома не отвергается лирической героиней: дом мечтает вырваться из замкнутого пространства стен и слиться с нею и с садом. Знаменательно традиционное для поэтического идиостилия Б. Ахмадулиной слияние пространств: внутреннего пространства лирической героини, открытого пространства сада и замкнутого топоса дома: «Я – в доме, дом – в саду, сад – в сырости овражной, / вдыхала сырость я – и замыкался круг». В контексте произведения их пространство противопоставлено внешнему пространству: калитка как символ перехода в другой мир пугает героев («...смеялась я, – пойду калитку отворю. / Пугались дом и сад. Я шла и отворяла / калитку в нижний мир, где обитает тень, – / чтоб видеть дом и сад из глубины оврага / и больше ничего не видеть, не хотеть»). Дом и сад представляются в сознании лирической героини идеалом. Взгляд на них снизу вверх можно интерпретировать не только в плане их реального физического расположения, но и метафорически: человек без дома и сада находится в «нижнем» мире, страдая от их отсутствия. Более того, лирическая героиня переосмысляет традиционные функции дома и сада: «Знал беспризорный сад и знал бездомный дом, / что дом – не для жителя, что сад – не для оброка, / что дом и сад – для слез, для праведных трудов».

Однако в анализируемом стихотворении можно заметить еще одну антитезу: лирическая героиня – настоящий хозяин дома и сада, который, в отличие от нее, не понимает, «какие дом и сад ему принадлежат». Иными словами, отношение к пространству дома и сада служит средством психологической характеристики героев.

Как следствие этого, сад выступает как место объединения людей, близких по духу: «Друзей своих он увлекает в сад, / и речь его опасна и пространна» («Моя родословная»).

Заключение

Таким образом, оппозиция концептов 'Свой' и 'Чужой' выявляет особенности организации пространства в поэтическом сознании Б. А. Ахмадулиной. Так, хронотоп дома и сада как ключевых образов ее творчества структурируется согласно архаической модели мира, которая предполагает членение на «свое» и «чужое» (свое – огороженное пространство сада и дома; чужое – пространство за оградой, «калиткой», где царит хаос). Пространство дома и сада маркируется как «свое» и является своеобразным средством защиты лирических героев. Концептуальное поле 'Свой' включает и концепт 'Время': цветение сада часто воспринимается героиней Б. А. Ахмадулиной как время творчества и вдохновения.

Концепты 'Сад' и 'Дом' связаны между собой по принципу принадлежности к своему или чужому

пространству и вследствие этого получают определенный коннотативный заряд: как правило, в поэтическом идиостиле Б. Ахмадулиной они относятся к своему миру и оцениваются положительно.

Анализ концептов 'Свой' и 'Чужой' помог выявить в их структуре ряд уникальных семантических компонентов: «родное пространство дома и сада», «родственность, внутренняя духовная близость», «связь с творчеством и вдохновением», «противопоставление окружающему миру» – «не свое, не принадлежащее героям», «пугающее и хаотичное», «время увядания и гибели».

ЛИТЕРАТУРА

1. Костомаров В. Г. Наш язык в действии : очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
2. Пастернак Б. Л. Избранное : в 2 т. Т. 2. Проза; Стихотворения / вступ. ст. Д. С. Лихачева. М. : ХЛ., 1985. 559 с.
3. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история. М., 1979.
4. Тарасов Е. Ф. Тенденции развития психолингвистики. М., 1985.
5. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. М. : Прогресс, 1995.
6. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры : Изд. 3-е, испр. и доп. М. : Академический Проект, 2004. 992 с.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация : учеб. пособие. М. : Слово/Slovo, 2000. 264 с.
8. Чумак-Жуль И. И. Когнитивная оппозиция свой/чужой как компонент поэтического мировидения и фактор дискурсивного противодействия // Русский язык в поликультурном мире : I междунар. симпоз., Ялта, 8–12 июня 2017 г. : сб. науч. ст. : в 2 т. / Крым. федер. ун-т им. В. И. Вернадского ; отв. ред. Е. Я. Титаренко. Симферополь, 2017. Т. 1. С. 439–444.
9. Михайлова М. С. Концепт сада и метафора цветочного времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» // Культура и текст : в 3 т. СПб. ; Самара ; Барнаул : Изд-во БГПУ, 2005. Т. 1. С. 192–197.
10. Топоров В. Н. Пространство и текст // Текст : семантика и структура / отв. ред. Т. В. Цивьян. М., 1983. С. 227–284.
11. Аведова И. В. Жанровая система поэзии Б. Ахмадулиной : дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1999. 189 с.
12. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М. : Азбу-

ковник, 1999. URL: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/>

REFERENCES

1. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v dejstvii: Ocherki sovremennoj russkoj stilistiki* [Our language in action: Essays on modern Russian stylistics]. M. : Gardariki, 2005. 287 p.
2. Pasternak B. L. *Izbrannoe* [Favorites]. V 2 t. T. 2. Proza; Stihotvoreniya. Vstup. stat'ya D. S. Lihacheva. M. : HL., 1985. 559 p.
3. Porshnev B. F. *Social'naya psihologiya i istoriya* [Social psychology and history]. M., 1979.
4. Tarasov E. F. *Tendencii razvitiya psiholingvistiki* [Trends in the development of psycholinguistics]. M., 1985.
5. Benvenist E. *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov* [Dictionary of Indo-European social terms] : Per. s fr. M. : Progress, 1995.
6. Stepanov Yu. S. *Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]: Izd. 3-e, ispr. i dop. M. : Akademicheskij Proekt, 2004. 992 p.
7. Ter-Minasova S. G. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya* [Language and intercultural communication]: Ucheb. posobie. M. : Slovo/Slovo, 2000. 264 p.
8. Chumak-Zhul' I. I. *Kognitivnaya oppozitsiya svoj/chuzhoj kak komponent poeticheskogo mirovideniya i faktor diskursivnogo protivodejstviya* [Cognitive Opposition "Own/Alien" as a Component of the Poetic Worldview and a Factor of Discursive Counteraction]. In: *Russkij yazyk v polikul'turnom mire [Russian language in a multicultural world]: I mezhdunar. simpoz., Yalta, 8–12 iyunya 2017 g. : sb. nauch. st. : v 2 t. Krym. feder. un-t im. V. I. Vernadskogo ; otv. red. E. Ya. Titarenko. Simferopol', 2017. T. 1. Pp. 439–444.*
9. Mihajlova M. S. *Koncept sada i metafora cvetoch-nogo vremeni v knige Belly Ahmadulinoj «Sad»* [The concept of a garden and the metaphor of flower time in Bella Akhmadulina's book "The Garden"]. In: *Kul'tura i tekst [Culture and text]: v 3 t. Sankt-Peterburg; Samara; Barnaul: Izd-vo BGPU, 2005. T. 1. Pp. 192–197.*
10. Toporov V. N. *Prostranstvo i tekst* [Space and text]. In: *Tekst: semantika i struktura [Text: semantics and structure]*. Otv. red. T. V. Civy'an. M., 1983. Pp. 227–284.
11. Avedova I. V. *Zhanrovaya sistema poezii B. Ahmadulinoj* [Genre system of B. Akhmadulina's poetry] : dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 1999. 189 p.
12. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij* [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Rossijskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: Azbukovnik, 1999. Available at: <https://lexicography.online/explanatory/ozhegov/>

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Чумак-Жунь И. И., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и русской литературы

E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Хомякова Е. С., аспирант кафедры русского языка и русской литературы

E-mail: 1589559@bsu.edu.ru

Поступила в редакцию 20 июля 2023 г.

Принята к публикации 26 сентября 2023 г.

Для цитирования:

Чумак-Жунь И. И., Хомякова Е. С. Лингвокультурологические особенности концептов 'свой' и 'чужой' в поэтическом диалекте Б. А. Ахмадулиной // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/126-133>

Belgorod National Research University

Chumak-Zhun I. I., Doctor of Philology, Professor, Head of the Russian Language and Russian Literature Department
E-mail: chumak@bsu.edu.ru

Khomyakova E. S., Post-graduate Student of the Russian Language and Russian Literature Department

E-mail: 1589559@bsu.edu.ru

Received: 20 July 2023

Accepted: 26 September 2023

For citation:

Chumak-Zhun I. I., Khomyakova E. S. Linguistic and cultural features of the concepts 'own' and 'alien' in the poetic idiolect of B. A. Akhmadulina. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2023. No. 4. Pp. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2023/4/126-133>